

УДК 821.511.131

Л. А. Дмитриева

ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТАХ КЕДРА МИТРЕЯ 1910–1914 ГОДОВ

В статье предпринята попытка реконструировать жизнетворческие стратегии Кедр Митрея (Д. И. Корепанов), цель которых мы определяем как стремление повествователя (= автора) приобщиться к творческой интеллигенции. Проанализировав инвариантные модели жизненного и творческого поведения, характерные для общероссийской демократической интеллигенции, мы обнаруживаем общее и особенное в индивидуальной реализации этих стратегий в жизнетворчестве исследуемого нами автора.

В формировании стратегии поведения Кедр Митрея значительное место занимает решение вопроса о сущности бытия. Позиционируя себя как атеиста, он ориентируется на известные литературные модели. Если идея самоубийства как жеста отрицания несовершенного устройства мира соответствует модели поведения романтика-максималиста, известной по произведениям Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, то отказ от мысли о самоубийстве ведет к поискам путей примирения с действительностью. Кедр Митрей следует толстовской идее Бога как милосердия и любви к ближнему. Он находит смысл жизни в служении обществу, и через это – в *самосовершенствовании*, понимаемом им как личная польза. Кедр Митрей приходит к пониманию и приятию действительности путем соединения идей Л. Н. Толстого и Н. Г. Чернышевского.

Объектом нашего анализа являются произведения Кедр Митрея 1910–1914 гг.: рассказы, фрагмент неоконченного романа «Дитя больного века» и публицистические статьи. Рукопись автобиографической повести [1] рассматривается нами как основной источник для характеристики философско-нравственных взглядов молодого Кедр Митрея. По мере необходимости примеров используется текст автобиографической повести, опубликованный в авторской редакции, но сокращенный [2].

Ключевые слова: жизнетворчество, жизнетворческие стратегии, модель поведения, поэтика поведения, биография, интеллигенция, романтик-максималист, секуляризация, атеизм, теория разумного эгоизма, круг чтения.

В статье «Кедр Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса» (2009) В. М. Ванюшев обозначил необходимость изучения «внутренней» биографии удмуртского писателя Кедр Митрея. Факты «внешней» биографии

в исследовательской литературе рассматриваются, но практически не изученной остается область «философских и художественных исканий», «идейные и нравственные установки» писателя [3. С. 104–105]. Попытаемся решить эту научную задачу, обратившись к дореволюционному наследию Кедр Митрея в аспекте проблемы жизнетворчества.

Проблема эта и новая, и старая одновременно. Восприятие личности творца и его жизни как эстетического объекта впервые ярко проявилось в период романтизма: «С эпохи немецких романтиков (начало XIX века) в искусство вошло новое понятие – “жизнетворчество”. <...> ...Художник творит не только свои книги, но и свою жизнь, делая из нее необыкновенное произведение искусства. Жизнь превращается в творчество. Творчество жизни – жизнетворчество» [4. С. 87].

Следствием постановки такой проблемы стало появление биографического метода Шарля Сент-Бёва – первого метода литературоведческого анализа нового времени. Для Сент-Бёва важны были личные пристрастия писателя, его близкое окружение, наставники и ученики, враги, литературные кружки: он установил связь между произведениями писателя и его биографическим контекстом [5]. Но в центре внимания для Сент-Бёва оставались произведения, биографические же сведения играли вспомогательную роль.

В XX в. продолжилось изучение проблемы личности автора. Г. О. Винокур предложил рассматривать биографию как текст и упорядоченную структуру. Среди элементов этой структуры – личность и ее жизнь, становящаяся в динамичном историческом контексте. Внешний мир соотносится с биографией через переживание: «исторический факт (событие и т. п.), для того чтобы стать фактом биографическим, должен в той или иной форме быть пережит данной личностью» [6. С. 44]. Личность творит «в форме переживаний свою жизнь из матерьяла окружающей действительности» [6. С. 45]. Если жизнь – это творчество, она должна иметь свой стиль и канонические образцы.

По мнению исследователя, каждый поступок личности в текущей социальной действительности может стать биографическим лишь в том случае, если он повторяется и формирует стиль поведения. Но личный стиль складывается не только из уникальных элементов, он представляет собой уникальную комбинацию элементов, неповторимых и общих для той или иной группы. Можно говорить о распространенных «стилях личной жизни»: мечтателя, бунтаря, джентльмена и т. д.

При этом «стиль личной жизни» не оторван от стиля произведений писателя: любое художественное произведение можно истолковать как «некий авторский поступок, форму его поведения». Таким образом, биографию и творчество предлагается интерпретировать как единый текст, единое художественное произведение.

Изучение взаимосвязи жизни и творчества получило дальнейшее развитие в тартуско-московской семиотической школе. Представители тартуской семиотики обращались, прежде всего, к двум историческим периодам: нач. XIX в. и нач. XX в. В работах, посвященных эпохе модернизма (кон. XIX – нач. XX в.), слово «жизнетворчество» и приобрело значение термина, обобщающего различные практики переноса художественных моделей в жизнь и жизненных моделей в творчество (работы З. Г. Минц и других исследователей).

На материале культуры нач. XIX в. были разработаны модели описания «бытового поведения», отличные от житнетворчества модернистов. Так, Ю. М. Лотман в известной статье о бытовом поведении декабристов («Декабрист в повседневной жизни», 1975) выявил особую «поэтику» поведения представителей этого историко-культурного типа [7. С. 296–336]. Несмотря на то, что декабристы внешне дистанцировались от эстетической сферы, деэстетизация тоже может быть рассмотрена как определенное выстраивание своего эстетического облика.

В связи с этим можно вспомнить, что изначально понятие житнетворчества связывалось с писателями-модернистами, которые открыто декларировали эстетизированное отношение к жизни (Ф. Ницше, О. Уайльд, К. Бальмонт и др.). Однако и отказ от подобного житнетворчества рассматривался как форма творческого отношения к жизни, минус-прием, суть которого Ю. М. Лотман сформулировал следующим образом: «Неизображенное подразумевается. Только в со(противо-)поставлении изображенного и неизображенного первое обретает подлинный смысл» [8. С. 40].

Таким образом, на стыке изучения моделей бытового поведения нач. XIX в. и модернистского «житнетворчества» нач. XX в. сформировалась общая сфера исследований, объединенная единым объектом – *поэтикой поведения*. Поведенческий репертуар включает в себя самые разные стратегии: от подчеркнуто эстетизированных актов до демонстративного отказа от всякой «эстетики» (характерный пример – творчество и поведение позднего Л. Н. Толстого).

В современной исследовательской литературе сформировалось представление о том, что житнетворчество – не исключительный признак той или иной эпохи, а универсальное явление. В жизни любого поэта и писателя есть осознанное отношение к построению своей биографии, зависящему от его творчества, что приводит к выбору определенного имиджа (маски).

Житнетворчество мы понимаем как сознательное построение жизни в соответствии с определенной поведенческой моделью или набором моделей. Как правило, эти модели изменчивы и могут быть разного типа. Часть из них заимствуется из художественной сферы (литературы, театра, изобразительного искусства и т. д.). Часть может существовать отдельно. Существует ряд привлекательных моделей поведения, таких как революционер, интеллигент, миссионер, авантюрист, ловелас, мечтатель, меланхолик и др. Смена популярности тех или иных моделей обусловлена историческими (а в личном плане – социальными и возрастными) причинами.

Ограничивая понятие житнетворчества, мы все же не сводим его до узких рамок изначального значения (как житнетворчество романтиков, декадентов и т. п.), а сохраняем за ним всю сферу семиотики бытового поведения, учитывая представителей искусства любых направлений.

В случае Кедр Митрея мы выделяем тип реалистического житнетворчества, когда не искусство переносится в жизнь, а наоборот: нелитературные факты получают эстетическую обработку в жизни, осмысливаются как эстетический факт и затем переносятся в литературу.

Кедр Митрей осмыслил свою личность, ориентируясь на актуальные для него в сложившейся жизненной ситуации культурные модели, отталкиваясь от

одних и отождествляя себя с другими. Этот опыт самосознания отразился в его литературных и публицистических текстах.

Для реконструкции жизнетворческой концепции писателя ключевую роль играет круг его чтения. В становлении взглядов Кедр Митрея большую роль сыграла мировая и особенно – русская литература, в значительной степени идейная, тенденциозная и побуждающая к активному жизнестроительству. Одной из основных жизнетворческих моделей для Кедр Митрея становится культурный и литературный тип атеиста. В своей автобиографии он наглядно демонстрирует этот тип поведения, активно прибегая к реминисценциям из произведений А. К. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. К. Шеллера-Михайлова и Л. Н. Толстого.

Автобиография Кедр Митрея отразила кризисный и амбивалентный момент в его жизни: кризис религиозного сознания, сменившийся кризисом материалистической точки зрения на мир, и, как результат, – поиск новой концепции жизни.

Прямое высказывание об ошибочности атеистических взглядов и отречение от них дается в других текстах, в частности, обособленном фрагменте романа «Дитя больного века» (1913–1914). В этих сочинениях материалистическое мировоззрение отвергается Кедр Митреем как несостоятельное, но позитивной программы в них не содержится. Вне связи с решением онтологических вопросов о сущности бытия, контуры такой программы появляются в письмах Кедр Митрея, где смысл жизни формулируется в морально-этическом плане как помощь ближнему и самосовершенствование.

Жизненные взгляды удмуртского писателя сформировались под влиянием этических идей, получивших массовое распространение во вт. пол. XIX в. Материализм, теория среды, теория разумного эгоизма – таковы основы его нравственно-философской позиции. Таким образом, духовное развитие Кедр Митрея лежит в русле общих философских исканий российской интеллигенции.

Разночинские идеи получили всеобщее распространение в период секуляризации общественного сознания. Кедр Митрей, получивший наивное религиозное воспитание в семье, а затем более рафинированное богословское образование, пошатнувшее в нем устои наивной веры, пришел к атеизму, проделав тот же путь, что и многие представители российской интеллигенции до него. Таким образом, это было не следование сиюминутной моде или затвердевшему штампу (хотя влияния традиции не следует отрицать), а естественный процесс. И чтобы убедительнее представить на суд читателя историю формирования неверующего героя, Кедр Митрей реконструирует свой жизненный путь, начиная с детских лет.

В автобиографии приводится несколько ранних «антирелигиозных» эпизодов, показывающих неслучайность будущего духовного кризиса. Характер будущего атеиста проявился в эпизоде, когда учитель церковно-приходской школы раздал детям новые молитвенники, затем решил собрать их, и Митрей отказывается вернуть книгу, а в ответ на попытку учителя забрать молитвенник силой, в ярости швыряет ее: «В этот день от меня все товарищи уже отстранялись»* [1. Л. 15 об.].

Кедр Митрей приводит также случай, демонстрирующий пренебрежение и к языческой вере родителей: «Мать предварительно предупредила, чтобы ни-

* Здесь и далее орфография автора строк сохранена. – Л. Д.

кто не начал [жать. – Л. Д.] до нее, – а отца не было тут с нами – сначала же помолимся. Она принялась читать вотские молитвы, а я, не дождавшись её, принялся жать. Раз, раз, раз!.. Ничего дело идет» [1. Л. 19 об.]. Однако понимание дерзости совершенного поступка мешает мальчику сосредоточиться, и он ранит себя: «Еще раз и вдруг... больно стало. Смотрю: ах, чорт возьми, порядком же я хватил палец» [там же]. Для ребенка, выросшего в обстановке двоеверия, актуально не то, что это иная вера, – он этого не осознает, – а сакральная сфера как таковая (ср. двоеверие несомненно православной бабушки главного героя в повести Максима Горького «Детство»).

Таким образом, в поведении верующего мальчика автором изначально отмечены ростки бунтарства и поступки, далекие от норм благочестия. Но отношение к этим эпизодам неоднозначно. С одной стороны, Кедр Митрей разыгрывает перед читателем роль убежденного атеиста, эволюция которого началась уже в детстве с дерзкого поведения во время сакральных церемоний и неуважительного обращения с предметами культа. С другой стороны, поведение юного атеиста не одобряется, что косвенно выражено в реакции окружающих (от него отвернулись товарищи) и в том вреде, который он сам себе нанес. Если подобный бунт и не осуждается прямо, все же стихийные формы, в которые он выливается, явно вызывают сомнение.

Отрицая существование Бога, Кедр Митрей отрицал и незыблемость моральных правил, правды и справедливости: «Остановился я на том, что этой вот цели большинства людей – абсолютной правды нет, да не встречается нигде вообще...» [2. С. 145]. Герой повести полагает, что «бороться и стоять за правду – нужды нет: нет абсолютной правды» [2. С. 150]. Если прежние материалисты переносили идеал с Бога на народ (и даже «толпу» в терминах В. Г. Белинского), то Кедр Митрей в духе своей эпохи оказывается индивидуалистом.

В его сознании, по-видимому, отложились идеи концепции философского антропологизма Чернышевского [9], унаследовавшего от эпохи Просвещения идею «разумного эгоизма». Эти идеи получили развитие в творчестве писателя-шестидесятника А. К. Шеллера-Михайлова, хорошо знакомом Кедр Митрею.

Так, в романе Шеллера-Михайлова «Гнилые болота» (1864) один из героев, учитель Носович, проповедует ученикам теорию разумно-практического эгоизма, цель которого – польза для себя, предполагающая честное и взаимовыгодное сотрудничество с другими. Эгоизм «есть главный двигатель всего, совершающегося на земле, инстинкт, присущий каждой твари; без него человек делается ниже животного, ибо теряет последнее оправдание своих поступков» [10. С. 160].

Справедливость и любовь к ближним также объясняются эгоизмом. Носович не одобряет переворотов: по его мнению, достаточно и того, что люди честно занимаются своим делом: «Умеренность, “золотая середина”, без примирения, но и без борьбы, “не поднимая головы до небес и не опуская ее до земли”, – такова мораль Шеллера» [11. С. 293].

В автобиографической повести выражается сходная позиция героя Кедр Митрея: «Я решил лучше идти ошупью, по течению, без сопротивлений этим течениям, чтобы не навлечь на себя какой-либо беды. <...> Но ни пред кем не следует унижаться, не нужно ронять свое достоинство...» [2. С. 145].

Однако христианское воспитание вступает в противоречие с эгоистической программой поведения. Повествователь отрицательно оценивает поступки автобиографического героя-эгоиста: «С тех пор становлюсь я черствым, перестаю сочувствовать, не забочусь больше о других. Я был склонен и при всякой возможности лицемерить, чтобы в чем-либо себе не повредить» [2. С. 145]. Прямолинейные характеристики («черствый», «склонен лицемерить») говорят о переоценке Кедр Митреем своих прошлых поступков.

Отвергнув эгоистический путь, писатель позиционирует себя как человек, равнодушный к чужому страданию: «Я хотел было остановиться на той ступени, на которую привел Шеллер-Михайлов одну из трех категорий людей, – это быть полным материалистом и думать только о своем животе и все стремления свои направить к этому. Но ведь я не животное какое-нибудь, все-таки я наделен разумом!» [2. С. 151].

Сопоставим эту мысль с одной из дневниковых записей Кедр Митрея, где он сопоставляет себя с другой (3-й) категорией из той же классификации Шеллера-Михайлова: «Есть люди, сознавшие, что правды нет на земле и не может быть – эти алчут только смерти... Ш.-Михайлов. Я принадлежу к этой последней категории людей и мой единственный исход – смерть. Д. Корепанов» [12. Л. 273].

Мысли о самоубийстве – таков итог разочарования в возможности осуществить идеальное мироустройство, достичь абсолютной справедливости и веры в Бога: «“На этом свете жить тяжело!” – вот что вынес я, наконец, испытавшись. “А иного света нет; так что и бояться нечего, нужно лишь избавиться от тяготы жизни – нужно покончить с собой”» [2. С. 151].

Образ мыслей Кедр Митрея близок к типично романтическому (ср. с Вертером и пр.), а также к логике героев Достоевского: если Бога нет, то все позволено, – в том числе и самоубийство. Как известно, философское осмысление самоубийства (явления, имеющего давние традиции, начиная с полудобровольной смерти Сократа и Эпикура) постоянно в творчестве Ф. М. Достоевского [13].

В очерке «Приговор» (1876)* он описывает ситуацию, в аналогичную которой поставит себя и Кедр Митрей. Достоевский описывает сознание радикально настроенного человека, остро нуждающегося в вере или иной стройной картине мира. Кедр Митрей тоже задумывает совершить самоубийство по причинам возвышенным – из-за фундаментального «недовольства жизнью»: «Вешаться – это идет только женщинам, но ни в каком случае не мужчинам. Я мужчина и не должен уподобиться женщине. Кроме того это сочтут еще подражанием, а у меня цели подражать нет: я человек самостоятелен в своих действиях, мне хочется другим показать, что я умру не из-за этих глупых побуждений, а именно по своим причинам – по недовольству жизнью» [1. С. 88].

Но Достоевский – не единственный и, возможно, даже не самый непосредственный ориентир удмуртского писателя. Для подтверждения своей позиции Кедр Митрей вписывает в своей читательский дневник строфу-реплику из драматической поэмы А. К. Толстого «Дон Жуан» (1860): «Но в небесах всё пусто, донна Анна. / В них Бога нет...» [12. Л. 249 об.]. Герой поэмы Толстого –

* Очерк опубликован в книге «Дневник писателя», которую Кедр Митрей читал и процитировал отрывки из нее в автобиографии.

атеист, который так же, как и герои Достоевского, полагает, что отсутствие Бога освобождает от моральных ограничений.

«Недовольство жизнью» свойственно и герою А. К. Толстого: «Идеализм героя питается гордой неудовлетворенностью окружающим миром, “противоядием” которому служит мечта об идеале, но не одухотворённо-романтическая – невоплотимая мечта, а мечта-требование... <...> Душа героя прикована к “здесь и сейчас” и поэтому обречена на разочарование как в мире, так и в своей невоплотившейся мечте» [14. С. 14]. Таким образом, сочувствуя Дону Жуану, Кедра Митрей оказывается близок типу «романтического максималиста (не наделённого романтической иронией)» [Там же], характерному для культуры и литературы сер. XIX в.

Кедра Митрей остается человеком с романтическим отношением к жизни, однако отказывается от самоубийства как способа решения проблемы неудовлетворенности жизнью. В автобиографию включено письмо, в котором герой признается другу Флору Городилову, что от решительного шага его удерживает сыновний долг перед родителями: «Что же станется с ними, кто будет их покоить на старости лет? Кто выведет брата и сестру в люди? Вот что заставляет меня задумываться и удерживает от покушения на свою жизнь» [12. Л. 260]. И это не единственная причина. Вероятно, победило бессознательное желание жить: «Я все же остался жив... да, продолжаю жить! Почему? Не знаю сам! Трудно ответить! Есть ли человек, который объяснил бы это явление?!» [2. С. 151].

Тем не менее ему необходимо руководствоваться какой-либо идеей, которая утвердит желание жизни*: «Скорее всего дело тут таится в том, что взгляды мои несколько изменились. Правды я не достигну, жить придется тяжеленько, но мерцает нечто предо мной более отрадное, приятное. Я за этим-то лучшим нахожусь сейчас в погоне, претерпевая и перенося все неудачи и неприятности. Жить, будучи полным эгоистом, стараясь лишь об удовлетворении своих нужд и потребностей, жить – пока живется!» [1. Л. 88 об.].

Д. И. Корепанов отказывается от стремления к «правде», пессимизм сменяется оптимистическим ожиданием лучшего будущего. Интересно, что герой с вызовом настаивает на решении «жить, будучи полным эгоистом». В автобиографии не дано обоснования новой жизненной стратегии. Однако письма и записки в читательском дневнике 1910–1911 гг. позволяют реконструировать опущенные логические звенья.

На выработку новых принципов поведения Кедра Митрея повлияли, помимо прочих причин, литературные модели, а именно: понимание Бога, изложенное в произведениях Л. Н. Толстого. Кедра Митрей выписывает ключевой момент толстовского доказательств бытия Бога: «Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы души всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум,

* В письмах к друзьям Кедра Митрей объясняет, что ощущение пустоты в жизни коренится в отсутствии практической идеи. В письме от 6 февраля 1911 г. он пишет: «Цель жизни ведь в самой жизни, т.е. жить по предвзятой идее. К сожалению, в настоящую эпоху в нас не воспитывают дух, долженствовавший стремиться к идее; в семье и в школе не дают нам идей, в которых мы сильно нуждаемся» [12. Л. 344 об.].

потому что это не разумно” <...> (Отрывки из «Анны Карениной» соч. Л. Толстого) 28.01.1910» [12. Л. 266].

В размышления героя Толстого о смысле жизни заканчиваются обретением веры в Бога в народном понимании, не затемненным интерпретациями ученых книжников. По мысли Толстого, нельзя объяснить любовь к ближнему разумом, но только верой. Философское понимание Толстым сущности божественного как любви к ближнему повлияло на мировоззрение Кедр Митрея.

Идея любви к ближнему легла в основание новой концепции Кедр Митрея. Для него смысл жизни видится в борении с постоянно встречающимися препятствиями и в «постепенном подъеме духа в связи с умственным и нравственным развитием» [12. Л. 345 об.]. Жизнь человека понимается как постоянное самоусовершенствование. Любовь к ближнему парадоксальным образом оказывается не противоположна эгоизму, а дополняет его в новом мировоззрении Кедр Митрея.

Реализация этой идеи в практической жизни воплощается в деятельности народного учителя. Профессия учителя способствует дальнейшему духовному росту, дает возможность обрести смысл жизни: «Учитель! Для народа очень много может сделать учитель! Заботясь о других, возвышаешься сам. Довольно на некоторый срок и этого» [12. Л. 345 об.].

Русский религиозный философ В. Зеньковский [15] отмечает, что и после секуляризации общественной жизни в России общественное сознание продолжало оставаться религиозным. То же самое мы видим и в эволюции взглядов Кедр Митрея. Несмотря на поиски им альтернативной христианской вере концепции жизни, сознание его все еще оставалось религиозным.

Документальные свидетельства и художественные произведения литературных корифеев младописьменных народов России нач. XX в. демонстрируют ту же особенность мировоззренческого развития авторов. Биографии многих писателей-первопроходцев, современников Кедр Митрея, содержат факты формального отхода от официальной религии и поиска иной идеологии, альтернативной традиционной религии.

Мордовский писатель Александр Иванович Завалишин (1891–1939), демонстрирующий антирелигиозную направленность в прозе 1920–1930-х гг., в юности, как сообщает Л. А. Саксон, был искренне верующим: «в своей автобиографии 1913 года он вспоминал, что в детстве сам был очень религиозен, и когда товарищ по играм заявил ему, что бога нет, то Саша, чуть не плача ответил: “Не говори мне этого никогда...”» [16. С. 168].

Чувашский поэт Мишши Сеспель (1899–1922) также схож с Кедр Митреем: глубоко верующий в юности [17], после духовного переворота он стал атеистом, вступил в компартию и с религиозным рвением стремился воплотить в жизнь справедливые принципы, ею провозглашенные. Максималистско-романтическое отношение к жизни привело Сеспеля к самоубийству.

Коми писатель и философ Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926) принадлежал к поколению ровесников первых русских символистов и по-своему проделал аналогичный путь (ср. путь В. С. Соловьева и многих его последователей): от наивной детской веры к научному материализму и дарвинизму, а затем – к духовному кризису и попытке самоубийства. Как спасительную альтернативу

старой антиномии «вера – атеизм» Жаков создает новое философское учение – лимитизм: «Я должен был погибнуть на всех путях. Я потерял почву прежнего мировоззрения: у меня отняли Бога материализмом, отняли почву, разбили мои взгляды на человека, общество и государство... все, все... В пустыне оказался я и употребил все силы свои, чтобы создать мировоззрение – теорию познания, метафизику, религию, науки...» [18. С. 229].

Сходные мысли о результатах крушения традиционных идеалов излагает Кедра Митрей в статье «О тяжести жизни. Псевдо-философия» (1911): «Крестьянин и чернорабочий продолжают тянуть жизнь, веря в Бога, надеясь на Бога. Интеллигентный же человек настоящих времен именно вот этой последней опоры лишен. Атеисту, разочаровавшемуся жизнью, тяготящемуся жизнью, – остается один удел – прекратить свое существование. Подлинно: основной причиной этой заразы в наш век самоубийства является разочарование в окружающих; в себе самом, безверие в Высшее Существо» [19. Л. 97–97 об.].

Жизнь и деятельность первых авторов национальных литератур – живое свидетельство смены исторических эпох, смены мировоззрений, происходившего часто ускоренным, искусственным образом: в новых условиях потребность в традиционных идеалах осталась. И в случае Кедра Митрея это выразилось, в частности, в попытке написать роман христианского содержания «Дитя больного века» (1914; не путать с одноименной автобиографической повестью!). Незавершенная рукопись романа хранится в архиве писателя. Само название отсылает к финалу стихотворения «Современному человеку» (ок. 1847–56) Ю. В. Жадовской (1824–1883), в котором Кедра Митрей нашел яркое выражение собственного духовного кризиса.

Кедра Митрей прямо отождествляет себя с адресатом этого лирического стихотворения, но косвенно ему близок и голос лирического субъекта. Трагедия заключается в том, что писателю близки обе позиции.

И далее в романе Кедра Митрей в целом следует системе ценностей, заданных в стихотворении Жадовской. Основные философские мотивы автобиографии повторяются, но в романе оценки переворачиваются: те же самые проблемы интерпретируются в религиозном духе, атеизм осуждается.

Пролог романа начинается с воспоминаний рассказчика о своем деде. Старик хранил «заветы прежние» и пророчил мрачное будущее для новых поколений. В уста старика вложена негативная оценка современности: новых капиталистических отношений, неверия и формального исполнения религиозных отрядов: «Деньги, богатство – окончательная цель нового поколения. Обилие церквей отделит... от Бога» [20. Л. 214].

Рассказчик убеждается в правоте старика и верности его предсказаний. Рассказчик, один из современных атеистов, размышляет над вечными вопросами о Боге и душе. Он вспоминает о тленности человека и не желает мириться с материалистическим отрицанием души: «И вот хочется представить его (деда. – Л. Д.) все еще живым; не хочет воображение мириться с выводами науки и с какой-то манией протеста рисует его существующим, пуская, таким образом, мое личное “я” в самообман» [20. Л. 213].

Попытка Кедра Митрея художественно и философски переоценить свои прежние атеистические идеалы и представить в романе новый взгляд на мир не

удалась: роман остался без продолжения. Автор, видимо, вполне отдавал себе отчет в этом и на предпоследней странице рукописи сделал приписку: «Удается плохо!» [20. Л. 217]. И все же набросок романа «Дитя больного века» свидетельствует о неудовлетворенности Кедр Митрея однозначно атеистической концепцией мира и попытках найти некий синтез, как это делали чуть раньше К. Ф. Жаков и Д. С. Мережковский (последний, например, в трилогии «Христос и Антихрист», 1895–1905).

Автобиография, статьи и письма Кедр Митрея показывают, что он проделал путь, типичный для представителей российской интеллигенции: путь – через столкновение противоположных убеждений, приспособление к новым условиям цивилизации и через поиск индивидуального способа ее восприятия.

Кедр Митрей формирует свою стратегию поведения, ориентируясь на модели, воплощенные в литературе. Мысль о самоубийстве как жесте отрицания несправедливости и отсутствия в мире истины соответствует модели поведения романтика-максималиста, хорошо известной по произведениям Ф. М. Достоевского и А. К. Толстого. Однако Кедр Митрей отказывается от самоубийства и ищет пути примирения с действительностью.

В его письмах обнаруживается попытка создания новой стратегии поведения и новое понимание Бога. Кедр Митрей придерживается толстовской (Л. Н. Толстого) идеи Бога как любви и милосердия к ближнему. В соответствии с новыми установками он объясняет для себя смысл жизни, который состоит, по его мнению, в помощи ближнему, служении обществу и через это – в самосовершенствовании, то есть в личной пользе (позитивно понимаемом «эгоизме»).

Таким образом, Кедр Митрей остается верен традиционным христианским ценностям и удовлетворяет свою потребность в целомом и концептуальном понимании действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кедр Митрей (Корепанов Д. И.). Автобиографическая повесть. Рукопись. 1911. НМ УР им. К. Герда. Ед. хр. 41782/162-УРМ. 181 л.
2. *Кедр Митрей*. Дитя больного века // Инвожо. 2005. № 9–10. С. 137–194.
3. *Ванюшев В. М.* Кедр Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 101–107.
4. *Лотман М. Ю., Миц З. Г.* Статьи о русской и советской поэзии. Таллинн: «Ээсти Раамат», 1989. 160 с.
5. *Сент-Бёв Ш. О.* Из работ разных лет // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 38–39.
6. *Винокур Г. О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. 186 с.
7. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи в 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
8. *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11–264.

9. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Н. Г. Чернышевский. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. С. 146–229.
10. Шеллер-Михайлов А. К. Гнилые болота; Беспечальное житье. М.: Правда, 1984. 527 с.
11. Бялый Г. А. Проза шестидесятых годов [XIX века] (общий обзор) // История русской литературы: в 10 т. Т. 7. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 277–315.
12. Корепанов Д. И. Книга 2-я. Сборник тетрадей по арифметике, географии, естествоведению и алгебре, выписки из книг и стихотворения // НМ УР им. К. Герда. Ед. хр. 27562/1-УРМ. 394 л.
13. Паперно И. А. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
14. Фёдоров А. В. «Дон Жуан» А. К. Толстого: между верой и бунтом // Литература в школе. 2009. № 3. С. 13–16.
15. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект: Раритет, 2001. 878 с.
16. Саксон Л. А. Мордовские мотивы и образы в творчестве А. И. Завалишина // Аспект-1989. Исследования по мордовской литературе. Сост. А. В. Алешкин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. С. 161–171.
17. Родионов В. Г. Сеспель – цветок Земли и Неба. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2014. 271 с.
18. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996. 384 с.
19. Корепанов Д. И. О тяжести жизни (Псевдо-философия). 19 октября 1911 года // Д. И. Корепанов. [Записная книжка]. НМ УР им. К. Герда. Ед. хр. 41782/164-УРМ. Л. 92–100 об.
20. Корепанов Д. И. Дитя больного века. Роман. 1913–1914 // Д. И. Корепанов. Рассказы, повести, очерки (рукопись, машинопись). УИИЯЛ УрО РАН. Ф. № РФ. Оп. 2-н. Д. 196. Л. 211–217.

REFERENCES

1. Kedra Mitrey (Korepanov D. I.). *Avtobiograficheskaya povest'* [Autobiographical novel]. Rukopis' [The manuscript]. NM UR im. K. Gerda (The National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerda). Ed. khr. 41782/162-URM. 1911. 181 l.
2. **Kedra Mitrey**. *Ditya bol'nogo veka* [A Child of the Sick Century]. Invozho, 2005, no. 9–10, pp. 137–194.
3. **Vanyushev V. M.** Kedra Mitrey: zhizn' kak tvorchestvo. K postanovke voprosa [Kedra Mitrey: life as the artistic creation. By the formulation of the problem]. *Permistika 10: Voprosy permskoy i finno-ugorskoy filologii: Materialy X Mezhdunarodnogo simpoziuma "Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami"* [Permistika 10: Problems of Finno-Ugric philology: Proceedings of the X International Symposium "Dialects and the history of the Permian languages in cooperation with other languages"]. Izhevsk, Udmurtskiy universitet Publ., 2009, pp. 101–107. In Russian.
4. **Lotman M. Yu., Mints Z. G.** *Stat'i o russkoy i sovetskoy poezii* [Articles on Russian and Soviet poetry]. Tallinn, Eesti Raamat Publ, 1989. 160 p.
5. **Sent-Bev Sh.** Iz rabot raznykh let [From the works of different years]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [The Foreign esthetics and the theory of literature of the XIX–XX centuries. Treatises, articles, essay]. Moscow, Moscow University Press Publ, 1987, pp. 38–39.

6. **Vinokur G. O.** *Biografiya i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Biography and Culture. Russian scenic pronunciation]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 186 p.
7. **Lotman Yu. M.** *Izbrannye stat'i v 3-kh t.* [Selected Articles in 3 vols]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol.1. 479 p.
8. **Lotman Yu. M.** Lektsii po struktural'noy poetike [Lectures on structural poetics]. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow school of semiotics]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, pp. 11–264.
9. **Chernyshevskiy N. G.** *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vol], Moscow, Mysl' Publ., 1987, vol. 2, pp. 146–229.
10. **Sheller-Mikhaylov A. K.** *Gnilye bolota; Bespechal'noe zhit'e* [The Rotten Swamps; Carefree habitation]. Moscow, Pravda Publ., 1984. 527 p.
11. **Byalyy G. A.** Proza shestidesyatykh godov [XIX veka] (obshchiy obzor) [Prose in sixties [XIX] (a general overview)]. *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [The history of Russian literature: in 10 volumes], Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1956, vol. 8, part 1, pp. 277–315.
12. **Korepanov D. I.** *Kniga 2-ya. Sbornik tetradey po arifmetike, geografii, estestvovedeniyu i algebre, vypiski iz knig i stikhotvoreniya* [Book 2. Collection of notebooks in arithmetic, geography, natural science and algebra, extracts from books and poem]. NM UR im. K. Gerda (The National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerd). Ed. khr. 27562/1-URM. 394 l.
13. **Paperno I. A.** *Samoubiystvo kak kul'turnyy institut* [Suicide as a cultural institution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 256 p.
14. **Fedorov A. V.** “Don Zhuan” A. K. Tolstogo: mezhdou veroy i buntom [A. K. Tolstoy's “Don Juan”: between faith and riot]. *Literatura v shkole – Literature at School*, 2009, no 3, pp. 13–16. In Russian.
15. **Zen'kovskiy V. V.** *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., Raritet Publ., 2001. 878 p.
16. **Sakson L. A.** Mordovskie motivy i obrazy v tvorchestve A. I. Zavalishina [Mordvinian motifs and images in the works of A. I. Zavalishin]. *Aspekt-1989. Issledovaniya po mordovskoy literature* [Aspect-1989. Research on Mordovian literature]. Mordov. kn. izd-vo Publ., 1989, pp. 161–171.
17. **Rodionov V. G.** *Sespeľ' – tsvetok Zemli i Neba* [Sespeľ' is the Flower of Earth and Heaven]. Cheboksary, Chuv. kn. izd-vo Publ., 2014. 271 p.
18. **Zhakov K. F.** *Skvoz' stroy zhizni* [Through thorns of life]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1996. 384 p.
19. **Korepanov D. I.** O tyazhesti zhizni (Psevdo-filosofiya) [About pressure of life. (Pseudo-philosophy)]. *Zapisnaya knizhka* [Note book]. NM UR im. K. Gerda (The National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerd). Ed. khr. 41782/164-URM. L. 92–100.
20. **Korepanov D. I.** Ditya bol'nogo veka [A Child of the Sick Century]. *Rasskazy, povesti, ocherki (rukopis', mashinopis')* [Stories, novels, essays (manuscript, typewritten)]. UIIJAL UrO RAN (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences). № RF. Op. 2-n. D. 196. L. 211–217.

Поступила в редакцию 23.02.2017

L. A. Dmitrieva

Life-Creation Strategies Reflected in the Works by Kedra Mitrey, 1910–1914

The present article focuses on reconstruction of Kedra Mitrey's life-creation strategy. I consider its aim to be his intention to join the intelligentsia. The analysis would require conceptualization of invariant patterns of life and creative behavior that were typical of the all-Russian democratic intelligentsia.

By examining these models I observe the specific way they occur in the individual life-strategy of Kedra Mitrey. The way the author resolves ontological problems is relevant to the formation of his behaviour. His self-identification with atheists is guided by well-known literary models.

The idea of suicide as a gesture of negation of the imperfect world corresponds to the behaviour patterns of a sentimentalist and maximalist that are depicted in the works of Fyodor Dostoyevsky and Aleksey K. Tolstoy. Rejection of suicidal thoughts leads him to the search of a new concept for reconciliation with the reality. Kedra Mitrey follows Tolstoy's idea of God as the compassion and love for the neighbour. He finds the meaning of life in the services to the society and in self-improvement as personal favour. Kedra Mitrey accepts the reality by combining the ideas of Leo Tolstoy and Nikolay Chernyshevsky.

The research aims to analyze Kedra Mitrey's texts created by him in 1910–1914, namely short stories, a fragment from his unfinished novel "A Child of the Sick Century", and publicistic essays. The manuscript of his autobiographical novel is the main source to describe philosophical and moral views of young Kedra Mitrey. I also refer to the autobiographical novel published in a shortened version.

Keywords: life-creation, life-creation strategies, behavior pattern, poetics of behavior, biography, intelligentsia, sentimentalist and maximalist, secularization, atheism, theory of reasonable egoism, range of reading.

Дмитриева Лариса Александровна,

соискатель,

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

426004 Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: ladamiri@mail.ru

Dmitrieva Larisa Aleksandrovna,

External postgraduate student,

Udmurt Institute of History, Language and Literature

4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation

E-mail: ladamiri@mail.ru